

Д.Н. МАМИН
СИБИРЯК

Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк

Зверство (Сибирские рассказы)

МАМИН, Дмитрий Наркисович, псевдоним — Д. Сибиряк (известен как Д. Н. Мамин-Сибиряк) (25.X(6.XI).1852, Висимо-Шайтанский завод Верхотурского у. Пермской губ.- 2(15).XI.1912, Петербург) — прозаик, драматург. Родился в семье заводского священника. С 1866 по 1868 г. учился в Екатеринбургском духовном училище, а затем до 1872 г. в Пермской духовной семинарии. В 1872 г. М. едет в Петербург, где поступает на ветеринарное отделение Медико-хирургической академии. В поисках заработка он с 1874 г. ста-

новится репортером, поставляя в газеты отчеты о заседаниях научных обществ, В 1876 г., не кончив курса в академии, М. поступает на юридический факультет Петербургского университета, но через год из-за болезни вынужден вернуться на Урал, где он живет, по большей части в Екатеринбурге, до 1891 г., зарабатывая частными уроками и литературным трудом. В 1891 г. М. переезжает в Петербург. Здесь, а также в Царском Селе под Петербургом он прожил до самой смерти.

Содержание

I.....	.0006
II.....	.0014

Д.Н. Мамин-Сибиряк
Зверство
Летние эскизы

Горячий летний день. Река точно застыла. Изнемогающие от зноя собаки напрасно ищут спасительной тени по разным за углам. Красиво дремлет на крутом берегу кучка домиков, спрятавшихся на вековом бору. У самой воды вытянулось деревянное здание, где чающие исцеления пьют железную воду и принимают ванны. Это провинциальные «минерашки», забравшиеся на сибирскую сторону Урала. Местное название — Курьи. Публика уже привыкла к ним и охотно их посещает, особенно благодаря удобствам, которые доставляет Уральская железная дорога, — по ней до вод рукой подать. Скептики клятвенно уверяют, что курьинская вода не содержит ни одного атома железа, а верующие доказывают, что вода прекрасно действует. Мы знаем только то, что Курьи очень многим помогли, что они доступны самым небогатым людям и что наконец несколько деревень живут недурно благодаря «наезжающим господам». В зной публика прячется по квартирам или бродит по парку, и только самые неуго-

монные и точные курсовые дамы торопливо пробираются к ванным. Мне не помогут никакие воды, но я верю в животворящую силу солнца и по целым часам брожу на припеке. Солнце — все, оно податель жизни, главный двигатель, и есть основание подозревать, что оно же и починивает многое, что мы, по собственному одному человеку безрассудству, так последовательно и упорно расстраиваем. Но наше северное солнце скупое, и приходится дорожить каждым солнечным днем. Итак, я иду по самому открытому месту; зной так и пышет. Сделав определенный круг по крутому угору, спускаюсь к реке и по пыльной дороге иду к парку, где так хорошо отдохнуть сейчас.

Территория собственно вод отделена от крестьянской земли деревянной изгородью. У главного въезда воротником стоит слепой парень, который молча кланяется каждому прохожему. На водах парень уже свой человек. Мне нравится в нем известное спокойствие: он не пристаёт к прохожим, не канючит и принимает милостыню, как должное. Приезжих в лето набирается несколько сот, и если

каждый подаст всего один пятак, то получится изрядная сумма. Слепой парень, видимо, спокоен за свое существование, тем более, что у него в руках призрак некоторой должности — он затворяет ворота, чтобы не пускать в парк жадную деревенскую скотину. Нужно видеть тревогу этого слепого лица, когда со стороны деревни послышится торопливый топот бойких овечьих ног. Овца не корова, так и норовит прорваться через заповедную грань, и слепой ужасно волнуется, когда почувствует приближение вороватой твари. Не стало ей, подлой, травы в поле, так нет, давай пролезу еще в парк... Я иногда разговариваю с слепым человеком, который узнает меня по шагам.

— Да ведь много ходит людей мимо, как же ты узнаешь? — спрашиваю я.

— Приобык, а потом в жару ты один ходишь... Я вот тоже на солнышке-то люблю... во как жарит!..

В описываемый день я еще издали увидел своего знакомого слепого в большой ажитации. Он размахивал руками и громко ругался с каким-то мужиком, который понуро сидел у

самых ворот.

— Уйди от греха! — кричал парень и про-
бовал стащить за руку упрямого мужика. —
Мое место... Ишь, выискался тоже, ловчак...
Проваливай, говорят...

— А ты не тронь... — как-то равнодушно
отвечал мужик, продолжая сидеть. — Жаль
тебе места-то, ироду?

— Уйди от греха... Тебе говорят...

Единственной свидетельницей этой сцены
была босоногая и белоголовая крестьянская
девочка лет семи, которая стояла посреди до-
роги и с детским любопытством ждала, что
будет дальше. Мои шаги заставили воевавше-
го слепца утихнуть, — нехорошо при посто-
роннем-то барине ругаться. Когда я подошел
совсем близко, дело разъяснилось: сидевший
мужик также был слепой, следовательно, яв-
лялся конкурентом нашему курсовому слеп-
цу. Это была профессиональная ненависть,
как бывают профессиональные пороки и доб-
родетели и даже профессиональная честь...

— В чем дело? — спросил я, останавлива-
ясь.

— Гонит, — коротко ответил слепец-чу-

жак. — И что я ему помешал? Слава богу, об-
им места хватит и еще даже от нас останет-
ся...

— Да ведь я тут который год? — заспорил
курсовой. — Я при должности состою... Обы-
щи себе свое место и сиди. Небось, я не полезу
к тебе...

Курсовой слепой отемнел еще в детстве,
может быть, он и родился «темным», так что
его еще молодое лицо приняло типичный от-
печаток неподвижности. Слепец-чужак яв-
лялся уже калекой: все лицо у него было обез-
ображено, а вместо глаз оставались какие-то
дыры. Но по подвижности этого обезображен-
ного лица можно было предположить, что он
таким сделался сравнительно недавно.

— Как же быть в самом-то деле?.. — вслух
подумал я.

— Гонит яво, — проговорила девчонка,
очевидно, принимавшая сторону чужака, ко-
торого и привела.

— А так и будет: сяду и буду сидеть, — рав-
нодушно ответил мужик. — Ежели разобрать,
так мне здесь самое настоящее место... Что те-
бе: один, как перст, а у меня семейство, поди,

в деревне-то осталось. Себя воспитывай, да еще ребята... это как по-твоему?

— От себя отемнел, так нечего и жалиться, — уязвил курсовой слепец. — А я урожденный... моей причины никакой не было... Господь нашел.

— И меня господь нашел, — спорил чужак. — Еще как нашел-то!

— Ты недавно ослеп? — спросил я, заинтересованный этим спором.

— А второй год... По своей, значит, вине принял наказание божие, — с покорным равнодушием ответил он. — С земляком мы, значит, домой обращались, с заработков... Идем это к себе в деревню, остается еще верст со сто. Известно, прохарчились, обносились, устали. Я и говорю товарищу-то: «Скажемся бродягами...» Это чтобы за тепло не платить и за харчи. Добрые люди бродяжек даром пропитают... значит, для своей души спасение... Хорошо. Сказались мы бродягами... Попаило нам сразу: тут покормят, там пятачок подадут... А нас уже из совести совсем вышибло! Набрали мы денег да в кабак, да еще с собой полуштоф водки... Приходим таким манером

в деревню и уж смело в крайнюю избу: так и так, бродяги. Хозяин видит, что бессовестные, — только бы отвязаться от дорогих гостей. То-се, собрали на стол поесть, а мы полуштоф свой расчали... Поели, выпили и пошли дальше: сыты, пьяны... Только этак отошли мы верстов с пять, а земляк-то и говорит: «Эх, — говорит, — посудину напрасно оставили. Воротимся...» Ну, идем мы это назад к деревне, а там дым столбом: горит деревня-то летним делом. Только мы увидали дым, а навстречу уж мужики бегут... «Вот, — кричат, — поджигатели, бродяги...» Ну, какой тут разговор: пымали нас и давай бить смертным боем... Били-били, проволокли на пожарище и хотели в огонь бросить, да раздумали: кто-то притащил купоросного масла, да купоросным маслом нас и облили... Ну, конечно, мы без памяти стали, а они, мужики-то, на телегу нас да к чужой деревне и подбросили. Тут уж нас обыскали, значит, и по начальству предоставили. В земском лазарете вылечили... А потом мужиков-то, которые нас отемнили купоросным маслом, в суде судили и в Сибирь засудили. А нам разве от этого легче? И наши

семьи засиротели, да и у тех тоже... Обязали их будто воспитывать нас, а какое воспитание, когда у самих ничего нет... Вот какое дело, барин!.. За чужую милостыню нас господь нашел...

Вечером, проходя воротами, я опять увидел только одного курсового слепца, а чужака не было.

— Где тот, давешний-то слепой?

— А ушел...

— Куда ушел?

— Кто его знает... Ушел куды-то.

Ровно через неделю я встретил слепца-чужака на станции Уральской железной дороги Богданович.

Он пытался попасть на поезд, но без билета его не пускали: железная дорога не богадельня... Он так и остался на вокзале с протянутой рукой. Не нашлось настолько щедрого благодетеля, который заплатил бы за его проезд «до города». Это была совершенно бесполезная попытка прорваться в такое место, где слепой человек может рассчитывать на щедрое подаяние: его из города высылали уже несколько раз «по месту жительства».

В вагоне третьего класса, где вместе со мной возвращались с вод из Курей еще несколько курсовых, зашел разговор о несчастном человеке. Одни жалели его, а другие порицали. Особенную жестокость проявил благообразный седенький старичок, по видимому, дышавший голубиной кротостью.

— Так и следует их, варнаков, — повторял он настойчиво: — не притворяйся бродягой... Милостыню-то не им, варнакам, подают, а бо-

гу. Лепта... Вот теперь и казись за напрасную-то милостыню, да и другим закажи. Да...

— Это одна жестокость, — спорил курсовой отец дьякон. — Наказание несоразмерно с виной... Помилуйте, купоросным маслом выжечь глаза живому человеку!..

— Достаточно этого зверства среди мужиков, — присовокупил молодой купчик. — Даже ужасное зверство происходит... Страшно рассказывать. Про подкованную-то девку слышали? Мне это верный человек сказывал... как же-с!.. Тоже в деревне дело было... Девка-то гуляла, ну ее свои парни и захотели поучить. Привели в кузницу, поставили в лошадиный станок и сейчас кузнецу: «Подковывай!». Тот туда-сюда, а они ему ножом пригрозили. Что бы вы думали, ведь подковали, как лошадь куют: например, взяли подкову, накалили и сейчас, например, к левой ноге поставили и гвоздями-с... Так на обе ноги подковали и одну руку, а тут уж девка не стерпела: в станке померла-с.

— И поделом, не плешничай, — подсказал благообразный старец. — Разврат-с... Для нее же лучше, то есть для девки, что, например,

еще на земле приняла казнь за свои грехи. Агроматный разврат идет теперь среди мужиков, не говоря о заводах или городах. Ослабел народ, в особенности женский пол... Их бы, блудниц этих самых, всех купоросным маслом!..

Легенду о подкованной девке мне приходилось слышать в нескольких вариациях, но достоверность ее еще требует подтверждения. В настоящем случае важно отношение к такому факту «посторонней публики». Благочестивый старичок напирал главным образом на «чернядь», на мужика, для которого требовал и кнут, и зеленую улицу, и застенок, а публику в собственном смысле выгораживал.

— Что такое мужик: зверь! — ораторствовал он уже с ожесточением. — Посмотрите, что мужики по деревням над своими бабами выделывают... Страсти господни! И вообще зверство... Как окружный суд наедет куды-нибудь в Шадринск или в Ирбит, глядишь, за две-то недели лет двести каторги набежит. Одним словом, варнак народ по здешним местам... Озверели все.

— Все-таки несправедливо платить зверством за зверство! — возмущался кто-то в публичке.

— Ею же мерою мерите, возмерится и вам, — отвечал старичок. — Нельзя-с: темно-та... Я главным образом про мужиков выражаюсь, а не касаемо до прахтикованных людей, которые имеют свое понятие. Да... Одним словом, мужик-с!..

— Все хороши, взять хоть тех же купцов, — заявил не известный никому господин, слуша-вший до этого момента молча. — Знаете дело купца Валина, который в Шадринске жёну из ружья застрелил? Да-с... Положим, они пьянствовали вместе и человеческий образ потеряли, а все-таки...

— А она ему рожу всю исцарапала, — спорил старик. — Это, значит, Валину, а потом и говорит: «Вот, — говорит, — ты послезавтра именинник будешь, так покрасуйся с ободранной-то рожей». Ну, он и не стерпел...

— Хорошо, я допускаю, что пьяные люди могут сделать все, — согласился господин:— я даже не защищаю убитую... Оба пьянствовали, бесчинствовали и кончили уголовщиной.

Это между ними и останется... А вот что нехорошо: зачем оправдали Валина-то? Мало того, что оправдали, Валин-то потом к оставшемуся после жены имуществу еще права наследства предъявил... Пожалуйте, говорит, мою седьмую часть. Где же, например, совесть?..

— Это уж адвокаты научили...

Поезд летит по слегка всхолмленной равнине. Вдали мелькают какие-то деревни, перелески и шахматы полей. Картина самая мирная, которая совсем уже не вяжется с жестокими разговорами. Наступает долгая пауза. Благообразный жестокий старичок смотрит в окно и тяжело вздыхает, сокрушаясь об ему одному известных грехах. Споривший с ним господин задумчиво крутит усы и время от времени вызывающе поглядывает на других. Очевидно, его так и подмывает еще раз сцепиться с жестоким старцем и договорить что-то недосказанное, что его, видимо, мучило. Одет он прилично и вообще приличен. Только в серых выкаченных глазах светится что-то такое желчное и беспокойное. Одним словом, довольно распространенный тип человека, который «не позволит наступать себе на

ногу». Он попробовал завести разговор с о. дьяконом, но из этого ничего не вышло: о. дьякон оказался таким кротким человеком, что соглашался уже вперед с каждым вашим словом.

— Нет, позвольте-с... — говорил желчный господин, споря с невидимым противником... — Так нельзя-с!.. Конечно, мужицкое зверство возмутительно, но это физическое зверство, где человека убивают, режут, ослепляют, увечат... Сравнительно это еще не так страшно, как нравственное зверство. Даже подкованная девка, в сущности говоря, терпима... Конечно, я говорю о сравнительной жестокости и хочу сказать то, что, перенеси эта девка операцию подкования, она стала бы жить калекой, как мужик с выжженными глазами. Так я говорю?

Вопрос был обращен к благоразумному старцу, точно желчный господин хотел выстрелить в него.

— Обнаковенно... — бормотал старец, напрасно стараясь проникнуть в скрытый подвох. — Темнота, вот что!

— А позвольте узнать, что вы называете

темнотой? — прицепился желчный господин.

— Очень просто: когда человек неполированный... вообще...

— Понимаю. Только, по-моему, совершенно наоборот: полированный-то человек и вынет из вас душу. Про дело Миловзорова слышали? — обратился желчный господин уже ко всем. — Ну, конечно, слышали... И в местной прессе было напечатано в качестве слуха. Да-с... Только все это дело публике неизвестно вполне, а я могу его рассказать.

— Господин, позвольте! — азартно вступился благообразный старец. — Про этакое дело сторонним людям даже и разговаривать-то невозможно, потому как промежду мужа и жены один бог судья. Да-с... Это даже и в законе сказано... Ежели, например, девица не соблюла себя и вдруг под венец... Это хоть кого касается, так не вытерпит. Таких-то в воде топить надо, вот что... Прямо будем говорить!

— Нет, уж извините! — закричал желчный господин, поправляя начинавший давить его ворот крахмальной сорочки. — Никакой зверь так-то не сделает, как ваш «практико-

ванный» и полированный человек. Ужаснее всего то, что ваш Миловзоров ничего ужасного из своей особы не представляет: самый обыкновенный средний человек... да. Я его давно знаю... в карты даже играл не один раз... Совсем приличный и скромный человек. Хорошо-с... Так вот стукнуло Миловзорову сорок лет, и вздумал он жениться: есть свой небольшой капиталчик, есть место какого-то доверенного, ждуть больше уж нечего, значит, остается жениться. Стал высматривать невест и нашел подходящую... Семья большая, девушка красивая и на возрасте, а приданого нет. В гимназии училась, а тут у родителей жила в каком-то заводе, где и женихов нет. Поговаривали про нее, что была какая-то у ней любовная история, и женихи обегали ее. Хорошо... Все это Миловзорову на руку, конечно, потому что не по любви же восемнадцатилетняя девушка пойдет за него. Присватался, девушка в слезы, а родители рады пристроить ее... Ну, поплакала, погоревала, а потом родные, конечно, уломали ее. Миловзоров радуется, что на склоне лет такую красоту заполучил. Скрутили свадьбу, гости

разъехались, молодые остались одни... Что у них было — неизвестно, а известно то, что утром Миловзоров потребовал почтовых лошадей, выгнал жену буквально в одной рубашке и на дорогу дал заряженный револьвер, из которого посоветовал застрелиться. Она тут же в спальне и записку написала, что, мол, прошу в моей смерти никого не обвинять. Одним словом, все по форме... полировано... Вот и едет несчастная женщина неизвестно куда... Нет, она знает, куда едет, потому что и записка написана и револьвер в руках. К родителям нельзя и носу показать, муж прогнал — одним словом, некуда ей идти, вот этой самой женщине с револьвером. Она виновата — это правда... Но, может быть, она надеялась, что муж ее простит, просто пожалеет ее молодость — мало ли на что надеется человек. И вдруг она видит, что ей в восемнадцать-то лет ничего, кроме смерти, не осталось. Будь она потерянная женщина, так она нашла бы утешителя, а тут другое: душу вынули из живого человека в одну ночь. Ведь Миловзоров не без греха прожил до сорока лет, а жене не мог простить... Сидит она с ре-

вольвером, колокольчики позванивают, звенит у ней в голове, и чувствует она, что крошечное зверство кругом: и тот человек, который обманул ее девичью неопытность, и молодой муж, и родители — все звери, один к одному. Целую станцию так-то она, бедная, ехала и все думала, а потом приехала на постоялый двор, забежала куда-то в конюшню и бац из револьвера. Только рука дрогнула — не насмерть первая пуля, пожалуй, еще живешь, — она второй раз бац и в третий. Так и кончилась...

— Сама виновата, — заключил седенький старец.

— Конечно, виновата, никто не спорит. А вот вы, например, не имеете греха на душе? Может быть, мы-то с вами в тысячу раз хуже ее, не может быть, наверное, и все-таки живем, потому что и сами озверели... Да. Ведь Миловзоров душу живую убил — и ничего; он служит на старом месте, его терпят, и, главное, он сам себя терпит. Даже больше, он считает себя правым, потому что и другие «практикованные» люди считают его таким. Он может спать, есть, пить, разговаривать с други-

ми и даже, вероятно, женится в другой раз...
Ведь такому зверству нет имени, нет меры?!
Если бы он убил ее сам, так это по нашей жестокости еще понятно, как подкованная девка; но Миловзоров побоялся ответственности и довел несчастную восемнадцатилетнюю женщину до того, что она сама себя убила. Людоеды покажутся младенцами перед таким полированным человеком...

1890 [1]

Примечания

Впервые опубликовано в газете «Новости», 1890, № 174, 27 июня. При жизни писателя включалось во все издания «Сибирских рассказов». Печатается по тексту: «Сибирские рассказы», М., 1902. Рукопись хранится в Свердловском областном архиве.

[^^^]